

Дискуссионная площадка

Научная статья

УДК 378.3

doi: 10.17223/19988648/70/22

Образовательные кредиты: как они меняют ландшафт финансирования высшего образования?

Мария Артуровна Арзумян¹

¹ *Институт экономики РАН, Москва, Россия, arz.marie@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется роль образовательных кредитов как инструмента финансирования высшего образования в России в условиях растущей стоимости обучения и устоявшейся тенденции снижения государственных расходов. Анализируется текущая практика предоставления образовательных кредитов в России и за рубежом с особым вниманием к моделям, где государство играет ключевую роль в субсидировании образовательных затрат. Рассматриваются проблемы и ограничения, связанные с доступностью образовательных кредитов, а также предлагаются пути совершенствования их условий, включая возможность участия работодателей в погашении кредитов. В работе используются данные социологического опроса, в рамках которого были получены мнения экспертов-экономистов (N=248) по вопросам эффективности образовательных кредитов как механизма обеспечения финансовой доступности образования. Образовательные кредиты рассматриваются как важный элемент финансовой системы высшего образования, однако для достижения устойчивого эффекта необходимо улучшение условий возврата кредитов и активное участие частного сектора. Научная новизна заключается в комплексном анализе существующих механизмов и предложении конкретных рекомендаций по совершенствованию образовательных кредитов в России.

Ключевые слова: гуманитарный сектор экономики, государственные расходы, индивидуальная плата, образовательные кредиты, доступность высшего образования, финансирование образования, человеческий капитал

Для цитирования: Арзумян М.А. Образовательные кредиты: как они меняют ландшафт финансирования высшего образования? // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2025. № 70. С. 359–375. doi: 10.17223/19988648/70/22

Discussions

Original article

Student loans: How are they changing the higher education funding landscape?

Maria A. Arzumanyan¹

¹ Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, arz.marie@mail.ru

Abstract. The article explores the role of student loans as a tool for financing higher education in Russia in the context of rising tuition fees and the established trend of decreasing public spending. The current practice of student loans in Russia and abroad is analysed, with a special focus on models where the state plays a key role in subsidising educational costs. The article considers the problems and limitations associated with the availability of student loans and suggests ways to improve their conditions, including the possibility of employers' participation in loan repayment. The article uses the data of a sociological survey, which obtained the opinions of expert economists (N=248) on the effectiveness of student loans as a mechanism for ensuring the financial accessibility of education. Student loans are considered as an important element of the financial system of higher education, but to achieve a sustainable effect it is necessary to improve the conditions of loan repayment and active participation of the private sector. The scientific novelty consists in a comprehensive analysis of existing mechanisms and the proposal of specific recommendations for improving student loans in Russia.

Keywords: humanitarian sector of economy, public spending, individual payment, student loans, accessibility of higher education, financing of education, human capital

For citation: Arzumanyan, M.A. (2025) Student loans: How are they changing the higher education funding landscape? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 70. pp. 359–375. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/70/22

Введение

Высшее образование по-прежнему является общепринятой нормой в России. По данным НИУ ВШЭ, более 80% семей стремятся, чтобы их дети достигли этого уровня образования [1]. Хотя высшее образование играет важную роль в обществе, лишь каждая четвертая семья готова выделить на обучение из своего годового дохода более 35%, тогда как около половины респондентов готовы ограничиться расходами в 30%. Однако, как отмечают авторы исследования, эта сумма в среднем оказывается ниже стоимости коммерческого обучения даже в не самых престижных вузах [1].

Существующие экономические и социальные условия способствуют разрыву между стремлениями семей и реальными возможностями получения высшего образования. Особенно остро эта проблема ощущается в семьях с низким уровнем дохода, где финансовая нестабильность ограничивает доступ к образованию. Здесь различие между желаемым уровнем образования

для детей и реальными шансами на его получение становится особенно заметным. Почти треть родителей полагают, что их дети смогут получить лишь среднее профессиональное образование (СПО). Подобные ожидания наглядно отражают серьезные финансовые ограничения, которые затрудняют для многих семей возможность обеспечить детям доступ к высшему образованию. И действительно, в России почти половина студентов оплачивает обучение самостоятельно, несмотря на то, что стоимость образовательных программ как в государственных, так и в частных вузах неизменно растет (рис. 1).

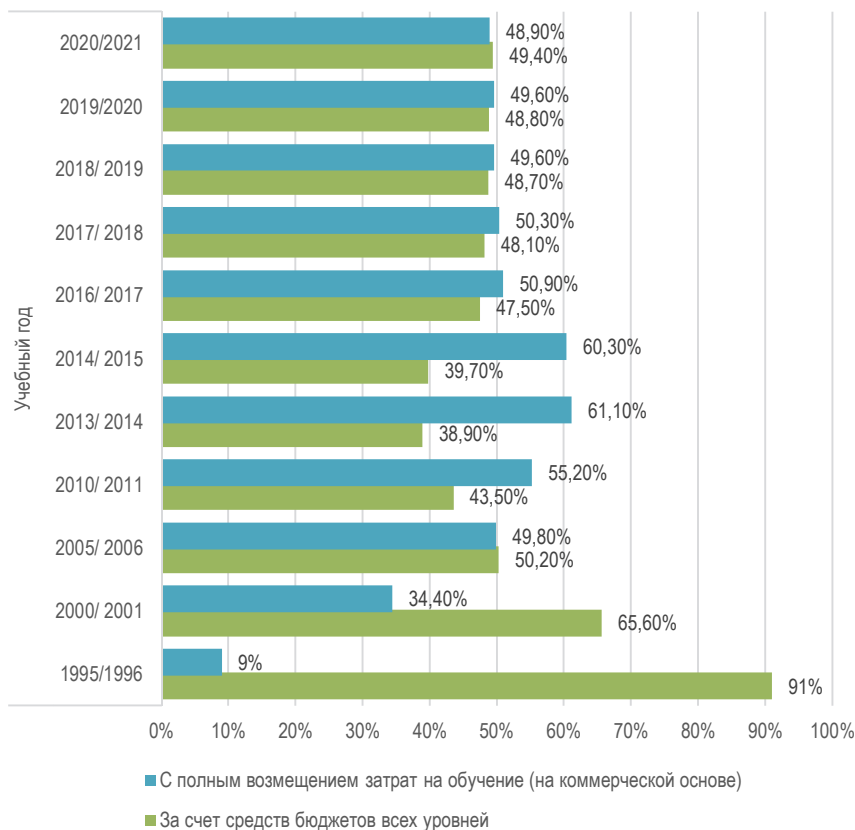

Рис. 1. Соотношение численности студентов в государственных вузах, обучающихся за счет средств бюджетов всех уровней, и на коммерческой основе в течение последних 30 лет, %. *Источники:* составлено на основе данных Министерства науки и высшего образования РФ¹

¹ Форма N ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Министерство науки

Обучение может быть в 2–10 раз дороже среднего уровня в зависимости от статусности и типа вуза, выбранной специальности и местоположения. В 2011 г. средняя стоимость года обучения в российском вузе составляла 63 тыс. руб., тогда как в 2021 г. она увеличилась до 192 тыс. руб. (рис. 2). На 2023/2024 учебный год обучение в ведущих российских вузах подорожало в среднем на 12%, что связывают с увеличением затрат на материально-техническое обеспечение и содержание инфраструктуры учебных заведений¹.

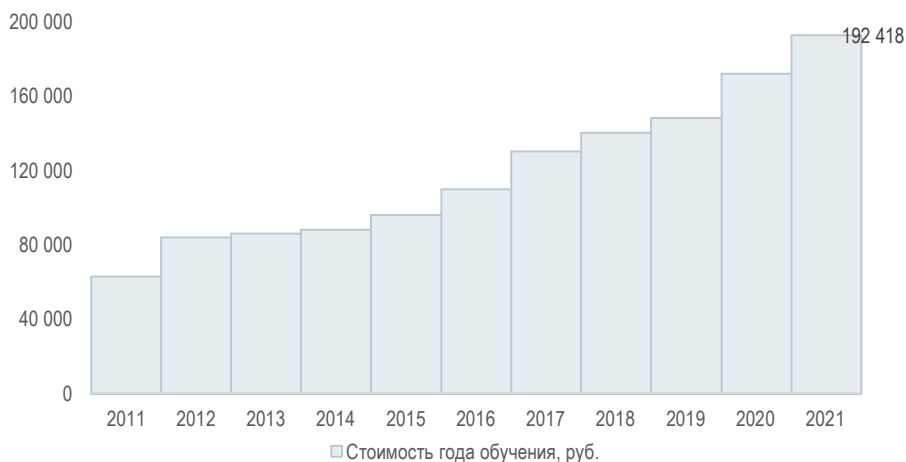

Рис. 2. Динамика средней стоимости года обучения в отечественных вузах, руб.
 Источники: составлено на основе данных статистических сборников НИУ ВШЭ («Образование в цифрах», «Индикаторы образования»)²

Тенденция повышения стоимости обучения вызывает обеспокоенность, поскольку ограничивает не только возможности поступления, но и завершения обучения для студентов из семей с низким уровнем дохода. Расходы семей не ограничиваются только оплатой обучения, ведь значительные средства требуются на подготовку к поступлению и на поддержку студентов в

и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 13.09.2024).

¹ Вузы Москвы и Санкт-Петербурга повысили стоимость обучения в среднем на 12% в 2023 году // Деловое издание «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/08/11/989595-vuzi-moskvi-i-sankt-peterburga-povisili-stoimost-obucheniya> (дата обращения: 18.12.2024).

² Образование в цифрах: 2014. Краткий статистический сборник. М. : НИУ ВШЭ, 2014. 80 с.; Образование в цифрах: 2016. Краткий статистический сборник. М. : НИУ ВШЭ, 2016. 80 с.; Индикаторы образования: 2018. Статистический сборник. М. : НИУ ВШЭ, 2018. 400 с.; Индикаторы образования: 2020. Статистический сборник. М. : НИУ ВШЭ, 2020. 496 с.

процессе учебы. Высокое качество высшего образования становится социально обусловленной привилегией.

В этой связи важно подчеркнуть: студенты из малообеспеченных семей оказываются в «ловушке бедности»¹ задолго до поступления в высшие учебные заведения. Ещё на этапе дошкольного образования дети из семей с более низким уровнем дохода и образования сталкиваются с неравенством в доступе к возможностям для развития и обучения с детьми из семей с более высоким социально-экономическим статусом. После окончания основной школы разделение на профессиональную и академическую траектории школы закрепляет социальное неравенство образовательных возможностей. Впоследствии малоимущие выпускники часто выбирают менее престижные вузы или менее выгодные траектории и, таким образом, постепенно выталкиваются из высшего образования².

В подтверждение проблематики данного вопроса можно привести результаты I и II волны проведенного экспертного опроса³ экономистов, представляющих университетскую и академическую науку [5]: почти треть (30,4%) ответивших на анкету экспертов определенно считают, что качественное образование доступно не всем, а потому существующая система не только не снижает, но и, наоборот, усиливает неравенство в обществе.

Макроэкономические и геополитические трансформации последних лет, включая усиление санкционного давления и глубинную структурную перестройку экономики, оказывают существенное воздействие на уровень потребления российских домохозяйств, существенно ограничивая их финансовый потенциал [3]. В таких условиях образовательные кредиты становятся альтернативным источником финансирования затрат на получение высшего образования.

¹ Ловушка бедности (ловушка нищеты) – самоподдерживающиеся социально-экономические механизмы, которые затрудняют выход из бедности для людей с низким экономическим положением и оставляют их на прежнем уровне из поколения в поколение. На это состояние влияет отсутствие капитала, здоровья, знаний и других ресурсов, что в то же время ограничивает возможность их восполнения.

² Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. «Ножницы высшего образования» // Интернет-ресурс Проектно-учебной лаборатории «Развитие университетов» Института образования НИУ ВШЭ. URL: <https://uni.hse.ru/scissors/> (дата обращения: 31.12.2024).

³ Данный социологический опрос был организован Институтом экономики РАН совместно с Новой экономической ассоциацией (НЭА) и «Журналом Новой экономической ассоциации» при участии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. Опрос проводился на основе специально разработанной анкеты среди членов НЭА и участников «Российского экономического конгресса» в период с начала апреля и до конца июля 2023 г. в режиме онлайн на интернет- платформе НЭА. На сайте НЭА размещены материалы указанного социологического исследования – экспертного опроса: исходный текст анкеты, полученные в результате опроса данные в формате матрицы SPSS for Windows и итоги первичной обработки данных в формате таблиц Excel (<https://www.econorus.org/socmon.phtml>).

Как свидетельствуют данные Министерства образования¹, по состоянию на 1 февраля 2024 г. в рамках государственной программы было выдано свыше 146,8 тыс. образовательных кредитов как на высшее образование, так и на среднее профессиональное. Примечательно, что 123,3 тыс. (84%) из них были оформлены именно за последние три года. В 2023 г. 52,8 тыс. кредитов были выданы студентам и абитуриентам вузов, а около 20 тыс. – на получение среднего профессионального образования. Суммарный кредитный портфель, включающий образовательные кредиты с государственной поддержкой, достиг 38,4 млрд руб. В тот же год со стороны правительства свыше 1,2 млрд руб. было направлено на предоставление образовательных кредитов с господдержкой по ставке 3% годовых².

В свете этих изменений возникает необходимость более глубокого анализа роли и места образовательных кредитов в системе финансирования высшего образования.

Роль и место образовательных кредитов в финансировании высшего образования

Формирование теории человеческого капитала стало ответом на запросы реальной экономики и смежных дисциплин, вызванные необходимостью более глубокого понимания роли человека и результатов его интеллектуальной деятельности в динамике и качестве развития общества и экономики. Теория человеческого капитала опирается на достижения институциональной теории, неоклассической теории, неокейнсианства и др.

Дж. Минсер [4] впервые предложил термин «человеческий капитал» в своей статье «Инвестиции в человеческий капитал и персональное распределение дохода» 1958 г. В дальнейшем понятие человеческого капитала было развито в публикации американского экономиста Т. Шульца [5] в 1961 г. и в работах Г. Беккера [6], который также внес значительный вклад в эту теорию в 1964 г.

Статистические данные об экономическом росте развитых стран, превышающие прогнозы, основанные на классических факторах роста, сыграли важную роль в создании теории человеческого капитала. Анализ этих данных показал, что производственное и социальное развитие стало возможным благодаря развитию национального человеческого капитала. Именно поэтому важнейшим элементом государственной политики в социальной сфере Т. Шульц считал увеличение инвестиций государства и бизнеса в науку, здравоохранение и образование.

¹ Проценты плохо образовываются // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6510958> (дата обращения: 27.01.2025).

² Правительство направит более 1,2 млрд рублей на поддержку программы образовательного кредитования // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/news/50493/> (дата обращения: 27.01.2025).

Г. Беккер стремился дополнительно развить теорию человеческого капитала, сосредоточив внимание на индивидуальных решениях относительно личных инвестиций в образование. Он объединил ее с теорией рационального выбора.

Т. Шульц и Г. Беккер рассматривали образование и профессиональную подготовку как форму инвестиций, сопоставимую с вложениями в физический капитал, как в машины и оборудование. Подобно физическому капиталу, вложения в человеческий капитал через образование и обучение способны приносить будущие экономические выгоды, которые могут быть реализованы на рынке труда.

Концепция «квазиобщественного блага», предложенная М. Блаугом [7], расширяет понимание общественной роли образования. Согласно Блаугу, образование не является чистым частным благом, поскольку его выгоды частично распространяются на всё общество, даже на тех, кто непосредственно не участвует в образовательном процессе. Попытка производить образование исключительно с помощью рыночного механизма может привести к недоинвестированию в эту сферу, так как рыночные субъекты не в полной мере учитывают общественную выгоду образования.

Концепция «мериторных благ», предложенная Р. Масгрейвом [8], усиливает акцент на государственной поддержке образования. Согласно Масгрейву, спрос на мериторные блага, такие как образование, со стороны частных лиц зачастую отстает от уровня, который считается общественно желаемым. Активное участие государства стимулирует потребление указанных благ с помощью бюджетных ассигнований и налоговых льгот, предоставляемых производителям образовательных услуг.

Понимая как индивидуальную, так и общественную полезность образования, следует отметить, что для многих потенциальных студентов высокие издержки на обучение представляют значительный барьер к инвестициям в свое образование.

Подход Милтона Фридмана [9] стал отправной точкой для развития систем образовательного кредитования, начало которым было положено в середине XX в., когда многие страны осознали необходимость финансовой поддержки студентов для повышения уровня их профессиональной квалификации. Говоря о государственных субсидии, Фридман указывал на то, что затраты на обучение покрываются за счет всех налогоплательщиков, тогда как выгоды от него, выраженные в повышении заработной платы, получают исключительно сами обучающиеся. Он акцентировал внимание на рыночных провалах в финансировании высшего образования, поскольку инвестиции в человеческий капитал обеспечивать значительно сложнее, чем в физический. Этот вывод был подкреплён следующими тезисами:

- человеческий капитал не обладает свойствами залога, так как его невозможно продать или изъять в случае невыполнения обязательств;
- будущие доходы обучающегося всегда подвержены риску – от профессиональных неудач до физических факторов, таких как смерть или инвалидность;

– в условиях фиксированных кредитов это вынуждает кредиторов закладывать высокие процентные ставки, что снижает доступность таких займов для большинства людей.

В своем эссе [9] Фридман описывает инновационную модель финансирования образования, основанную на принципе долевого участия. В рамках этой идеи инвестор предоставляет студенту средства, необходимые для финансирования его обучения, в обмен на обязательство студента выплачивать кредитору определённый процент от своего будущего дохода. Такой подход заменяет фиксированные ежемесячные платежи гибкими выплатами, которые зависят от уровня финансового успеха заемщика: если выпускник достигает значительных доходов, его выплаты увеличиваются; если доходы ниже ожидаемого, выплаты пропорционально сокращаются.

Эта система аналогична принципу долевого участия в корпоративной сфере, где акционеры получают большую прибыль, если компания успешна, и меньшую – при низких результатах. На современном этапе эта концепция получила название «соглашение о распределении доходов» (Income Share Agreement, ISA). Она позволяет минимизировать риски для заемщиков, предоставляя гибкость в условиях неопределённости доходов, и одновременно делает инвестиции в человеческий капитал более привлекательными для инвесторов.

Современный опыт финансирования высшего образования включает несколько моделей, которые различаются уровнем государственной поддержки в покрытии образовательных затрат и доступностью образовательных займов. Наиболее распространены два типа моделей: где государство играет ключевую роль в субсидировании и те, где студенты несут большую часть финансовых обязательств.

1. Модель с высоким участием государства. В этой модели государство активно финансирует образовательный процесс, что выражается в предоставлении субсидий, грантов или доступных кредитов для студентов. Такой подход направлен на то, чтобы минимизировать барьеры для получения образования и снизить долговую нагрузку на выпускников. Государство берет на себя большую часть расходов, поддерживая образование через налоговую систему и бюджетные трансферты.

Примеры стран:

– *Скандинавские страны (Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия).* Отобранные страны считаются одними из лучших примеров государственных образовательных систем с минимальной платой за обучение. Высшее образование в Швеции, Норвегии и Дании, как правило, бесплатное или предполагает символическую плату для студентов, что обеспечивается за счет значительных государственных субсидий. Государство также предлагает студентам низкопроцентные кредиты с гибкими условиями возврата, что позволяет учащимся меньше зависеть от частного финансирования и избежать долговой нагрузки.

К примеру, в Норвегии [10] программа поддержки студентов предусматривает возможность конвертации 40% суммы образовательного кредита в

грант при достижении высоких академических результатов и успешного завершения обучения. В Финляндии¹, если после завершения обучения в установленные сроки задолженность по кредиту превышает 2,5 тыс. евро, государство компенсирует до 40% суммы, превышающей этот порог. Для получения компенсации необходимо выполнение установленных критериев, например, завершение обучения в установленный период или наличие уважительных причин для задержки, таких как болезнь или рождение ребенка.

2. Модель с низким участием государства. В странах, использующих эту модель, государство играет ограниченную роль в финансировании образования. Основная финансовая нагрузка ложится на студентов, которые часто вынуждены брать частные кредиты с высокими процентными ставками. В таких странах существуют государственные программы помощи, но их охват и объемы поддержки ограничены.

Примеры стран:

– **Великобритания.** По данным на 2024 г., в системе высшего образования Великобритании доля финансирования из частных источников составляет 74%, что остаётся самым высоким показателем среди стран. В то же время прямое государственное финансирование ограничивается 23%, что является минимальным значением в международном контексте. Для сравнения, средние показатели по странам ОЭСР² распределяются следующим образом: 29% финансирования поступает из частных источников, а 67% обеспечивается государственными ресурсами³. В частности, в Англии [11], начиная с 1990-х гг. расширение системы высшего образования сопровождалось внедрением политики разделения расходов (cost-sharing policies) – в основном за счет повышения платы за обучение, покрываемой студенческими займами с доходозависимым погашением, финансируемыми государством. Эти меры направлены на перенос большей части расходов на высшее образование с государства на студентов. По мере роста стоимости обучения возросла и зависимость от студенческих займов.

В 2017/18 учебном году, при стоимости обучения 9,25 тыс. фунтов стерлингов и отсутствии грантов на проживание, 94% студентов дневной формы обучения оформили займы на оплату обучения, а 89% – займы на проживание⁴. Отмена грантов на проживание в 2016 г. привела к увеличению неравномерности в распределении студенческих долгов. Студенты из 40% самых малообеспеченных семей заканчивают обучение со средним долгом около 57 тыс. фунтов стерлингов.

¹ Students and conscripts: Briefly and in plain language. 2024. Kela. URL: <https://www.kela.fi/english> (accessed: 28.12.2024).

² Организация экономического сотрудничества и развития (сокр. ОЭСР, англ. Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD).

³ OECD, Education at a Glance 2024 (Table C3.3). URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/09/education-at-a-glance-2024_5ea68448/c00cad36-en.pdf (accessed: 29.12.2024).

⁴ Bolton P. Student Loan Statistics (Briefing Paper № 1079). London : House of Commons Library, 2022. URL: <https://dera.ioe.ac.uk/id/eprint/36925/> (accessed: 30.12.2024).

– *Соединенные Штаты Америки*. Для высшего образования доля государственного финансирования составляет 39% (среднее по ОЭСР – 68%). В Соединённых Штатах студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся в частных вузах, платят самые высокие средние суммы за обучение среди стран ОЭСР, по которым доступны данные. Для студентов государственных вузов, обучающихся в своём штате, плата за обучение является второй по величине среди стран ОЭСР¹. Исторически [12] государство выступало гарантом студенческих кредитов через такие программы, как National Student Loan Program (1958) и Higher Education Act (1965). Это позволило студентам получать доступ к образованию, но одновременно привело к росту задолженности. Снижение государственного финансирования вузов вынудило университеты увеличивать плату за обучение, что стимулировало рост займов.

На 2024 г. студенческая задолженность в США достигла 1,76 трлн долл. США, что делает её второй крупнейшей категорией долговых обязательств после ипотечных кредитов. Основными факторами роста задолженности являются высокая стоимость высшего образования и ограниченная доступность альтернативных форм финансирования, таких как гранты и субсидии. Значительная доля заемщиков, особенно из числа тех, кто не завершает обучение или сталкивается с трудностями на рынке труда, не может своевременно обслуживать свои долговые обязательства. Это создает системные экономические риски, аналогичные тем, что наблюдались в ходе ипотечного кризиса 2008 г. Секьюритизация студенческих кредитов через Student Loan Asset-Backed Securities (SLABS) усиливает эти риски, поскольку обесценивание таких активов способно вызвать цепные дефолты с серьезными последствиями для финансовой и реальной экономик.

Роль образовательных кредитов усиливается в условиях высокой стоимости обучения и необходимости инвестиций в человеческий капитал, который является ключевым фактором экономического роста. При этом достижение баланса между рыночными механизмами и государственной поддержкой имеет немаловажное значение, о чем свидетельствуют различные модели финансирования, применяемые в международной практике.

Образовательные кредиты: российский контекст

Перейдем к российскому опыту. В 2000 г. Сбербанк запускает на финансовом рынке новый продукт – образовательный кредит, а к 2006 г. реализуются соответствующие займы со сроком погашения 10 лет, под 18–20% годовых выдавали всего 15 кредитных организаций. Наряду с упомянутыми долгосрочными кредитами также существовали программы, предоставляв-

¹ OECD. Education at a Glance 2024: United States Country Note. Paris: OECD Publishing, 2024. URL: Available at: https://www.oecd.org/en/publications/education-at-a-glance-2024_c00cad36-en.html (accessed: 29.12.2024).

шие образовательные кредиты и на менее продолжительные сроки. В августе 2006 г. российское правительство одобрило проект Концепции государственной поддержки образовательного кредитования, подготовленный Минобрнауки России, за чем последовал эксперимент по внедрению данного инструмента на период 2008–2010 гг.

Выдача льготных образовательных кредитов в РФ стартовала с 2010 г., но до последнего времени ставка по кредиту составляла 8%, срок возврата составлял 10 лет после окончания вуза. В конце лета 2020 г. правительство по поручению президента снизило ставку до 3% годовых, а срок погашения кредитов увеличило до 15 лет, что привело к резкому росту числа обратившихся за таким кредитом. Тем не менее спрос на образовательные кредиты на протяжении всей истории его развития остается низким.

На 2024 г. в России действует программа государственной поддержки предоставления образовательных кредитов:

- большая часть процентной ставки субсидируется государством, заемщик оплачивает сниженную процентную ставку, равную 3%;
- основной долг по кредиту выплачивается в течение 15 лет спустя 9 месяцев после окончания университета;
- предоставление обеспечения кредита (залога или поручительства) не требуется.

В настоящее время в программе участвуют четыре банка: Сбербанк (с 2010 г.), Алмазэргиэнбанк (с 2022 г.), РНКБ (с 2023 г.), Т-Банк (с 2024 г.). В 2023 г. основная доля заключенных кредитных договоров распределилась следующим образом: 99,7% – на Сбербанк, 0,1% – на Алмазэргиэнбанк и 0,2% – на РНКБ. Самые популярные специальности для получения образовательного кредита – юриспруденция (9,4%), менеджмент (6,7%), экономика (5,9%) и медицина (4,6%)¹.

Министерство науки и высшего образования РФ предложило² с 2025 г. прекратить выдачу образовательных кредитов на специальности в области экономики, управления и юриспруденции из-за перенасыщенности специалистами. Образовательные кредиты планируется выдавать только на технические, естественнонаучные, педагогические и медицинские направления.

Для более глубокого анализа роли образовательного кредита в качестве инструмента финансирования высшего образования обратимся к результатами II социологического опроса экспертного сообщества экономистов³, в организации которого участвовали Новая экономическая ассоциация (НЭА), Институт экономики РАН (ИЭ РАН), Экономический факультет

¹ Проценты плохо образовываются // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6510958> (дата обращения: 27.01.2025).

² Минобрнауки предложит не выдавать образовательный кредит на юриспруденцию и экономику // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22128737> (дата обращения: 15.12.2024).

³ Научные руководители исследования по теме государственного задания на 2024–2026 гг. (FMGG 2024-0014) А.Я. Рубинштейн, Р.С. Гринберг, А.Е. Городецкий.

МГУ им. М.В. Ломоносова и Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ.

Опрос состоял из одной волны рассылки электронных писем респондентам размещения информации на сайте НЭА и в личных кабинетах Журнала НЭА. Основу итоговых выборок составили 248 экспертов. Более 85% респондентов составляют признанные эксперты в сообществе ученых-экономистов. Значительная часть респондентов имеет ученую степень кандидата наук – 46,7%, доктора наук – 33,8%. Большинство экспертов, а именно 49,3%, указали в качестве основного места работы «Другой тип организации». На втором месте находятся почти 40% респондентов, работающих в отраслевых и академических институтах.

Проанализируем ключевые аспекты, отраженные в ответах респондентов, включая потенциальные преимущества, проблемы и альтернативы образовательным кредитам:

1. Образовательные кредиты как возможное решение проблем финансовой доступности ВО. Мнения респондентов (рис. 3) разделились: 39,4% считают, что кредиты могут стать решением проблемы, тогда как 32,9% убеждены, что только бесплатное высшее образование способно полностью устранить финансовые барьеры, а 20,8% видят ключевым фактором успешности образовательных кредитов условия их возврата. Результаты указывают на поляризацию мнений: значительная часть респондентов скептически относится к долгосрочной финансовой нагрузке, связанной с кредитами, и поддерживает идею государственного финансирования. Кредиты рассматриваются как неполное решение проблем доступности, что связано с общим уровнем доходов населения и опасениями по поводу долговой нагрузки после окончания учебы.

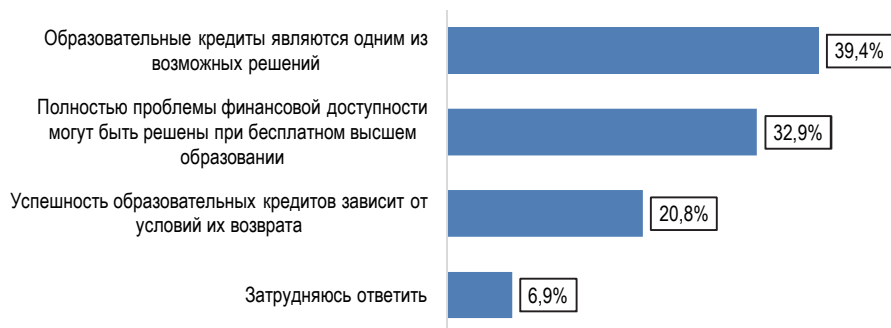

Рис. 3. Ответы респондентов на вопрос «Могут ли образовательные кредиты решить проблемы финансовой доступности высшего образования?»

2. Предпочтительные условия возврата образовательных кредитов. Результаты (рис. 4) свидетельствуют о высоких ожиданиях в отношении социальной ответственности бизнеса и возможных программ корпоративного

обучения и поддержки молодых специалистов. Большинство респондентов (55,3%) предлагают привлечение работодателей к погашению кредита. Для развития системы образовательных кредитов в России стоит рассмотреть возможность интеграции бизнес-поддержки, что позволит минимизировать потенциальные риски для пользователей.

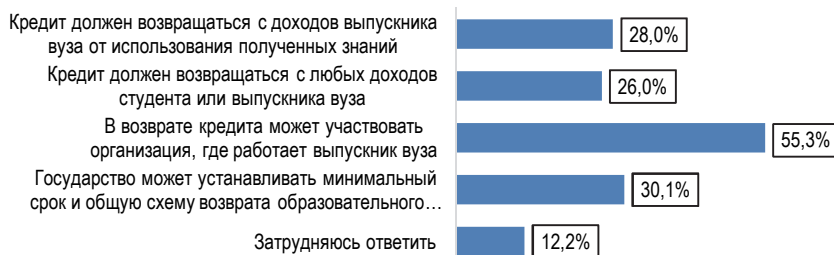

Рис. 4. Ответы респондентов на вопрос «Какие условия возврата образовательного кредита Вы считаете наиболее предпочтительными?»

3. Мотивы работодателей для участия в возврате образовательного кредита. Результаты (рис. 5) показывают, что наибольшим мотивом для работодателей является привлечение и удержание перспективных сотрудников (75,2%). Дополнительно значимыми факторами выступают улучшение репутации компании (37,0%), формирование кадрового резерва (36,6%) и повышение квалификации сотрудников (35,4%). Компании, которые активно инвестируют в образование своих сотрудников, обладают конкурентными преимуществами на рынке труда. Система образовательных кредитов, поддерживаемая бизнес-сообществом, может стать важным элементом более обширной стратегии корпоративной социальной ответственности.

Рис. 5. Ответы респондентов на вопрос «Что может послужить мотивами участия работодателя в возврате образовательного кредита?»

4. Источники финансирования высшего образования. Несмотря на интерес к образовательным кредитам, респонденты выделяют другие более предпочтительные альтернативы (рис. 6).

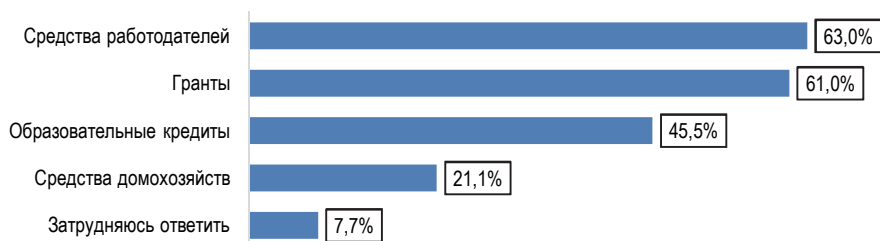

Рис. 6. Ответы респондентов на вопрос «Какие из источников финансирования высшего образования, помимо государственного бюджета, являются предпочтительными?»

Образовательные кредиты воспринимаются населением как одна из возможных, но не окончательных мер для решения проблем финансовой доступности высшего образования. Участие государства в виде предоставления бесплатного образования или регулирования условий возврата кредитов всё ещё воспринимается как наиболее значимое и необходимое. Важность привлечения бизнеса также подчеркивается, однако гранты и государственные механизмы рассматриваются как наиболее устойчивая и надежная альтернатива.

Дискуссия

Абитуриенты выбирают образовательные кредиты для оплаты обучения, исходя из предположений о его качестве и потенциальной отдаче (будущих доходах). Однако реальная «ценность» образования может оказаться ниже ожидаемой, что приводит к финансовым рискам, связанным с возвратом кредита.

На основе вышеизложенного можно сформулировать ряд предложений, базирующихся на четком распределении ролей и ответственности между государством, университетами, бизнесом и студентами:

1) для снижения финансовых рисков студентов целесообразно внедрить гибкие схемы возврата образовательных кредитов, включая привязку платежей к проценту от дохода или предоставление отсрочек до достижения установленного уровня заработка, что сделает систему кредитования более доступной и справедливой;

2) государству следует сосредоточиться на поддержке студентов, обучающихся по востребованным социально значимым направлениям (медицина, образование, социальные работники и т.д.). Это может быть реализовано через выделение целевых субсидий на погашение образовательных кредитов при условии трудоустройства выпускников в соответствующих секторах. В зависимости от срока работы в приоритетной отрасли государство может частично или полностью покрывать кредиты, что одновременно снижает

долговую нагрузку на студентов и способствует решению проблемы нехватки кадров в ключевых сферах;

3) университеты, в особенности те, которые располагают эндаумент-фондами, могут направлять доходы от этих фондов на покрытие части кредитов для студентов с высокой академической успеваемостью, а также предоставлять стипендии и гранты за учебные достижения. Данное решение стимулирует студентов добиваться высоких результатов и снижает их финансовую нагрузку;

4) крупным компаниям предлагается активно участвовать в образовательной экосистеме через пожертвования в эндаумент-фонды университетов, что позволит поддерживать студентов, обучающихся по профилю компаний, укреплять имидж социально ответственного бизнеса и формировать лояльность молодых специалистов. Кроме того, работодатели могут спонсировать студентов, полностью или частично погашая их образовательные кредиты при условии обязательной отработки в компании установленного срока. Такой подход особенно актуален для отраслей с дефицитом квалифицированных кадров, таких как медицина, инженерия и ИТ.

Заключение

Парадокс¹, сформулированный в завершении работы А.Я. Рубинштейна, Р.С. Гринберга, А.Е. Городецкого [13] «Патерналистское государство и гражданское общество», подводит к вызовам, стоящим перед образовательной системой. В этом контексте образование можно рассматривать как важнейший инструмент, создающий основу для таких изменений. Образование способствует формированию активных, критически мыслящих граждан, способных к (со)участию в решении социальных вопросов. Доступность образования выступает фундаментальным условием, позволяющим реализовать эти цели. Но в условиях увеличивающейся стоимости обучения и многолетней тенденции сокращения прямой государственной поддержки высшего образования возрастает роль дополнительных источников финансирования. Образовательные кредиты могут служить одним из решений для обеспечения финансовой доступности в сфере образования. Тем не менее их реализация и развитие требуют опоры на тщательно разработанные модели финансирования, чтобы минимизировать риск возникновения «провала» в данной системе.

Список источников

1. *Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю.* Барьеры доступности высшего образования и социальные факторы дифференциации образовательных траекторий // Информационный бюллетень «Мониторинг экономики образования». 2023. № 8 (50). 38 с.

¹ «Извечный вопрос: “Что делать?” Провалы рынка может исправить государство, провалы государства может устранить общество, как преодолеть провал общества? – Парадокс брадобрея!» [13].

2. *Государство, общество и гуманитарный сектор: результаты экспертного опроса* / под ред. Н.А. Буракова, О.А. Славинской. Препринт. М. : Институт экономики РАН, 2023. 48 с.

3. *Абанкина И.В., Семенова К.А. Образование: инвестиции в будущее* // Гуманитарный сектор патерналистского государства / под общ. ред. А.Я. Рубинштейн. СПб. : Алетейя, 2023. Гл. 4. С. 108–151.

4. *Mincer J.* Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // *Journal of Political Economy*. 1958. Vol. 66, № 4. P. 281–302.

5. *Schultz T.W.* Investment in Human Capital // *The American Economic Review*. 1961. Vol. 51, № 1. P. 1–17.

6. *Becker G.S.* Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. 3rd ed. Chicago : University of Chicago Press, 1993. 390 p.

7. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе / пер. с англ. О.В. Буклемищева и др.; под науч. ред. Е.М. Майбурда, В.С. Автономова. М. : Дело Лтд, 1994. 720 с.

8. *Musgrave R.A.* A Multiple Theory of Budget Determination. *FinanzArchiv* // *Public Finance Analysis*. 1956. Vol. 17, № 3. P. 333–343.

9. *Friedman M.* The role of government in education // *Economics and the public interest*. New Brunswick : Rutgers University Press, 1955.

10. *Askim J.* Student Financing for Social Equity in Norway, 1947–2020. In book: *Successful Public Policy in the Nordic Countries: Cases, Lessons, Challenges*. Oxford University Press, 2022. P. 153–173.

11. *de Gayardon A., Callender C., DesJardins S.* Does student loan debt structure young people's housing tenure? // *Evidence from England*. *Journal of Social Policy*. 2022. Vol. 51, № 2. P. 221–241.

12. *Tannenbaum S.* Student Loan Debt: A Bubble Ready to Burst? // *Cornell Journal of Law and Public Policy*. 2024. Vol. 33. P. 511–537.

13. *Рубинштейн А.Я., Гринберг Р.С., Городецкий А.Е.* Патерналистское государство и гражданское общество // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2022. № 5 (57). С. 142–149.

References

1. Malinovskiy, S.S. & Shibanova, E.Yu. (2023) Bar'ery dostupnosti vysshego obrazovaniya i sotsial'nye faktory differentsiatsii obrazovatel'nykh traektorii [Barriers to higher education accessibility and social factors of educational trajectory differentiation]. *Informatsionnyy byulleten' "Monitoring ekonomiki obrazovaniya"*. 8 (50).

2. Burakov, N.A. & Slavinskaya, O.A. (eds) (2023) *Gosudarstvo, obshchestvo i gumanitarnyy sektor: rezul'taty ekspertnogo oprosa* [State, Society and the Humanitarian Sector: Results of an Expert Survey]. Preprint. Moscow: Institute of Economics, RAS.

3. Abankina, I.V. & Semenova, K.A. (2023) *Obrazovanie: investitsii v budushchee* [Education: Investments in the Future]. In: Rubinshtein, A.Ya. (ed.) *Gumanitarnyy sektor paternalistskogo gosudarstva* [The Humanitarian Sector of a Paternalistic State]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 108–151.

4. Mincer, J. (1958) Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. *Journal of Political Economy*. 66 (4). pp. 281–302.

5. Schultz, T.W. (1961) Investment in Human Capital. *The American Economic Review*. 51 (1). pp. 1–17.

6. Becker, G.S. (1993) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press.

7. Blaug, M. (1994) *Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive* [Economic Theory in Retrospect]. Trans. by O.V. Buklemishchev et al. Moscow: Delo.

8. Musgrave, R.A. (1956) A Multiple Theory of Budget Determination. *FinanzArchiv/Public Finance Analysis*. 17 (3). pp. 333–343.

9. Friedman, M. (1955) The role of government in education. In: *Economics and the public interest*. New Brunswick: Rutgers University Press.
10. Askim, J. (2022) Student Financing for Social Equity in Norway, 1947–2020. In: *Successful Public Policy in the Nordic Countries: Cases, Lessons, Challenges*. Oxford: Oxford University Press. pp. 153–173.
11. de Gayardon, A., Callender, C. & DesJardins, S. (2022) Does student loan debt structure young people's housing tenure? Evidence from England. *Journal of Social Policy*. 51 (2). pp. 221–241.
12. Tannenbaum, S. (2024) Student Loan Debt: A Bubble Ready to Burst? *Cornell Journal of Law and Public Policy*. 33. pp. 511–537.
13. Rubinshtein, A.Ya., Grinberg, R.S. & Gorodetskiy, A.E. (2022) Paternalistское государство и гражданское общество [Paternalistic State and Civil Society]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. 5 (57). pp. 142–149.

Информация об авторе:

Арзуманян М.А. – научный сотрудник Центра экономической теории социального сектора, Институт экономики РАН (Москва, Россия). E-mail: arz.marie@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.A. Arzumanyan, researcher at the Center for Economic Theory of the Social Sector, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: arz.marie@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.03.2025;
одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 14.03.2025;
approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.